

— А вам не кажется, что в наших отношениях есть нечто невысказанное?..
— А вы не думаете, что между двумя людьми всегда есть нечто невысказанное?
— Какой же в этом смысл?
— А разве великое множество всего на свете не существует без смысла?
Теннесси УИЛЬЯМС
«Нечто невысказанное»

Та ю щ и е

Юрий ПОЛЕНОВ-КОРШАК

Ловить смысл в музыке Шнитке так же опасно, как поджигать стул, на котором сидишь. Дым-то рассеется и запах растворится, а искать смысл будет уже некому.

Копаясь в старых бумагах, я нашел недописанную пьесу с веселеньким названием «Я умер, господа. Начините ваши аплодисменты...».

Боже, какой стыд! Неужели я уже искал этот проклятый смысл? И еще жив? Да, но пьеса недописана... Значит-таки сгорел на подсознательном уровне! Один сознательный остался.

И вот, толпясь на своем сознательном уровне, как голый, прикрываясь в бане шайкой от бьющего со всех сторон пара, я прочитал следующее предложение, которое заинтересует, пусть не только меня и послужит занавесом с нарисованным очагом в каморке папы Карло, за которым скрывается дверь в тайну одного удивительного человека...

Это горькая пьеса. Горькая потому, что жизнь героя не удалась. Она не удалась в чем-то главном. И в этом нет ничего исключительного, потому что в главном она не удалась никому.

Жизнь обманывает человека уже тем, что дает ему надежду на счастливую жизнь. Эту иллюзию она дает ему в детстве как подарок и как игрушку. Она входит в его жизнь предметно, и только с годами эти предметные формы начинают терять свой смысл и в конце жизни, если кому повезет прожить ее основательно, превращаются в дым и исчезают в небесах.

В главном человек всегда обманут, потому что это главное открывается ему лишь в последний миг его жизни перед встречей с Вечностью, тогда, когда уже поздно придавать открывающейся перед ним истине форму, осознать и освоить себя в ней, когда же все кончено.

В конце жизни человек растерян, как дитя. Как дитя, он беспомощен и слаб. Он уповаает на Бога, ибо не на кого больше опереться ему в свой последний час.

Поэтому это не только горькая пьеса, это пьеса отчаяния.

Говорят, в жизни нет никакого смысла, кроме самой жизни. И хотя мыслящий и особенно русский человек всегда ищет этот смысл, пока мыслит — опирается он только на свою память об этой прожитой им жизни в надежде обрести успокоение в оправдании, что жил он не зря, не отдавая себе отчета в том, что вторгается в поисках своего оправдания в область неизяснимого.

БЕРЕГА

И мы обманываем себя тем, что пытаемся себя изъяснить, вместо того, чтобы оставить смысл воспоминаниям...

А что если так оно и есть? Что если смысл — приют воспоминаний! каких много, ох, как много было рассыпано в музыке Шнитке и о которых Геннадий Рождественский сказал, имея в виду пропасть музыкальных цитат в его сочинениях, что это говорит о качестве его музыки. Кроме того, предмет анализа всегда в прошлом, ведь мы анализируем то, что уже произошло. Поэтому всякая вещь, подвергнутая ему, так или иначе принадлежит к разряду воспоминаний.

В 1971 году Шнитке как композитор сочинил балет «Лабиринты». Мысль в нем тыкалась, как кошка, пуценная в катакомбы, но побавшая чутьем на воздух...

Выйдя в прелый московский воздух овладевающего светом октябрьского вечера — а это был памятный многим день борьбы трудящихся за свои права. — мне довелось подняться на сцену Театра на Малой Бронной на пару слов о Шнитке перед двумя одноактными балетами, которые двое ведущих танцовщиков, заслуженные артисты России Московского музыкального театра пластических искусств Аида Чернова и Сергей Старухин давали в память Альфреда Шнитке на его музыку.

пора было падать с лошади, но упасть надо было красиво... И тогда я вспомнил повесть-исповедь Карела Чапека «Обыкновенная жизнь», написанную им в год рождения композитора — в 1934 году, о чем торжественно и объявил публике...

Возлюблю ближнего, как самого себя; и ужаснусь его, как самого себя, и противиться ему буду, как самому себе; его бремя буду чувствовать, его болью страдать и изнывать от бесправия, совершаемого над ним. Чем ближе буду к нему, тем полнее найду себя. Положу предел эгоисту, ибо сам эгоист; и послужу больному, ибо сам болен; не пройду мимо нищего на паперти, ибо и сам я беден, как он, и буду другом всем, кто трудится, ибо и я — один из них. Я — то, что в силах постичь.

Эти слова, сказал я, могут послужить эпиграфом к жизни и творчеству композитора Шнитке.

Так смысл образа Шнитке открылся мне в воспоминании образа Чапека.

Когда же в 1991 году Чернова и Старухин задумали свой балет на «ин-

А потом жалость, слезы, человеческие слезы... и любовь, преображающая даже зверей.

У Шнитке в этом концерте есть все, все звуки жизни: и трение колесных шин, и звон колоколов, и удары, как будто забивают гроб, — тема рока... и в этот момент какой-то мальчик в противогазе является из задника декорации и сквозь дыру в грязной стене, из окошка цивилизации, вваливает на свалку очередной бак с мусором...

Но когда любовь, извините, звучит адажио — медленная спокойная музыка, плавная и певучая. И танец — плавный, красивый, благородный... Мечта для баловней судьбы!.. Как это у Гумилева...

Там брошу лохмотья и лягу, И буду во сне королем, А люди увидят бродягу

С бескровным, землистым лицом... Вы помните, какое это было время — перехода от социализма к чему-то неведомому?.. Кончился Союз, и все союзное с пылким огоньком выбрасывали на свалку. Что-то крылатое металось в воздухе! И это крылатое взметнулось над монументом Дзерж-

балетного сюжета: на вокзалах, куда ни приеду, граждане, и малый и старый, сидят друг перед дружкой на короточках, как приматы... У авторов балета было другое объяснение этой позы — зековское. Я же считаю, что она продукт эволюции огромной крестьянской страны, в которой человеку всегда было тесно от условий его в ней содержания, и, присев на короточки, всегда было безопаснее слушать, как тайга власти шумит у него над головой.

Но я не затем к вам пришел, чтоб будить в вас зверя, — наоборот. Я слышу в музыке Шнитке и вижу в балете одаренных танцовщиков промысел Божий.

Музыка Шнитке здесь настолько наполнена неуловимым, ускользающим чувством, что заставляет их гнаться в холодном поту за своей взлетающей и падающей в пятки безумной душой. Есть там сцена, где свет выхватывает одни фазы движения, как пулеметная очередь: фазы-фазы-фазы... А потом они синтезируются в этой погоне в образ крылатых птиц в белых одеждах.

Но это страшная сказка, и в итоге Золушка умиряет, а Принц распят в световом луче, и долгий-долгий звук летит по нему во тьму Вселенной, к Богу... Включается свет, и звучит гармоническое чудо, которое Шнитке называл мессой — «жертва вечерняя»: «Да исправится молитва моя...».

Таков балет «Мужчина и женщина, или Концерт для альта с оркестром».

Чтобы утешить зрителя в его раздумьях о жизни, во втором действии танцовщики танцуют изощренную «Сюиту в старинном стиле, или Музыку растекающегося времени» с историческими танцами: «Пастораль», «Менуэт», «Фугу», современный танец в кожаных косухах, которые актеры обрабатывают, как кожу, и предстают обна-

Альфреду Шнитке сегодня исполнилось бы 64 года

Как Распутину, был голос: народу в зале будет, как в худшие театральные времена, — три сестры и дядя Ваня, и тот в буфете на диване.

Сцена высоко, микрофона нет, Сэлинджер шепнул мне на ухо: «Над пропастью без ржи»... Глянул в пропасть — а ее нет, там народ, голова к голове. И ждут смысла... Хорошо, что стула подо мной не было, и вместо него я опустился на тот жанр, который можно назвать воспоминаниями.

Когда незаметно истекли семь минут, щедро пожалованные мне с хрупкого плеча Аиды Артуровны Чернової, и она свято взмолилась за моей спиной из-за кулис: «Юра, Юра!...»,

сульный» шнитковский «Концерт для альта с оркестром», они услышали его первые шаги в голосе Пушкина: «Исполнились мои желания. Творец тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, чистейшей прелести чистейший образец...».

И вдруг они выпускают на сцену двух грязных замарашек в каких-то жалких отряпьях, которые лазают по помойке в поисках пропитания... Не люди — приматы из зверинца!

Самец нашел бутылку и пробует на вкус. Самка бельё откуда-то выцарапала и наряжает его на свой бюст, как на елку... Потом подрались за какой-то кусок. Драка переросла в насилие.

жинского и стало его заваливать, как девку, под одобрительный рев толпы.

Чернова и Старухин много тогда ездили по стране с гастролями, кочевали по вокзалам, и все время глаза их упирались в одну и ту же позу, которую они привили и героям своего

женными, в белых трико, без перьев эпох, которые всегда скрывали их человеческую сущность.

Шнитке очень хотел увидеть «свой балет» на свою музыку. Аида Артуровна и Сергей Георгиевич звонили ему в Гамбург. Он обещал приехать и ждал встречи со своей растекающейся в пластике музыкой. Все долгие переговоры происходили как бы между его инсультами, последний из которых естественным образом... пожалуй, сверхъестественным, во всяком случае насильственным, погасил свет в этом сюжете.

Гамбург, Москва, чайки над Балтикой, и вместо радости какая-то смертельная тоска, которую разгоняет одна действительность случившаяся история: пришла к одному русскому писателю женщина, а он лежал, выпивал под музыку финского композитора Яна Сибелиуса и голосом, полным неразделенной любви, трагически произнес: «Послушай мою родину».